

Шэнь Цзуннянь пропустил это мимо ушей. Он холодно отстранил его и направился прямо в кабинет работать. Приготовление еды отняло немало времени. Если бы Тань Юмин не был голоден, он бы просто перекусил чем-нибудь на скорую руку и на этом всё.

Было уже за полночь. Шэнь Цзуннянь вышел из кабинета, потирая от усталости переносицу. Когда он проходил через гостиную, дверь в комнату Тань Юмина оказалась приоткрытой. Горел тусклый ночник. Волосы Тань Юмина были полусухими, а тёмно-синий шёлковый халат свободно свисал с плеч, обнажая часть длинной, стройной голени. Неизвестно, с кем он говорил по телефону, но в конце фразы в его голосе проскользнула лёгкая ленивая нотка:

— Забудь. Мне такое не по вкусу.

Он прислонился к окну, теребя пояс, и, услышав что-то, тихо рассмеялся.

— Сколько времени? — внезапно раздался в темноте холодный голос.

— Твою мать! — Тань Юмин подпрыгнул от испуга, повернул голову и возмутился: — Ты почему ходишь бесшумно?!

В полумраке ночи красивое лицо Шэнь Цзуннянь тонуло в тенях, делая его похожим на бездушного призрака.

Будь то в детстве, когда он списывал домашнее задание, или во взрослом возрасте, когда не ночевал дома, — Шэнь Цзуннянь всегда появлялся с поразительной точностью именно в тот момент, когда Тань Юмин чувствовал себя виноватым, словно пойманный с поличным воришка.

— Опять планируешь завтра приехать впритык?

Из динамика донёлся голос Сюй Эньи:

— Что случилось?

«...» Тань Юмин ничего не ответил.

Шэнь Цзуннянь развернулся и ушёл. Тань Юмин тут же крикнул вдогонку:

— Эй, я уже почти...

Шэнь Цзуннянь не обратил на него внимания. Вернувшись в свою комнату, он принял душ и просмотрел несколько сообщений в даркнете. Его взгляд постепенно становился всё более свирепым. Внезапно звук уведомления из семейного чата вырвал его из раздумий.

Пролистнув кучу сообщений и стикеров, Шэнь Цзуннянь остановил взгляд на единственной

ссылке.

Возможно, Тань Юмин генерировал за год сотни скандальных сплетен, но сам не читал ни одной. Однако он не знал, что есть человек, который просматривает каждую из них.

Фотографии по ссылке были не очень чёткими. Но даже сквозь размытость можно было разглядеть непринуждённую и статную фигуру мужчины. Он слегка склонил голову, уголки его губ были приподняты. Из-за ракурса казалось, что пара стоит очень близко друг к другу. В сумерках это выглядело двусмысленно и романтично.

Он закрыл страницу браузера, и на экране телефона снова появились обои — семейное фото из шести человек, тёплое и счастливое.

На следующий день им обоим предстояло присутствовать на заседании по вопросам руководства коммерческой отрасли и соблюдения антимонопольного законодательства в районе Залива на второе полугодие.

Тань Юмин, который прошлой ночью проспал от силы часов пять, появился в гостиной вовремя, сияя энергией.

— Доброе утро!

Шэнь Цзуннянь проверял рабочую почту. Лишь тётушка Тан ответила ему с улыбкой. Она быстро подала завтрак и позвала:

— Молодой господин, молодой господин Цзуннянь, идите кушать.

Тётушка Тан была из числа старой прислуги семьи Тань. Гуань Кэчжи прислала её сюда присматривать за ними обоими.

— Вы же не против сегодня позавтракать лапшой с вонтонами?

— Конечно, нет, — с энтузиазмом поддержал Тань Юмин.

В вонтоны с креветками добавили крабовую икру, а бульон, сваренный на старой курице, получился невероятно насыщенным.

Шэнь Цзуннянь ел, не отрываясь от рабочих сообщений в телефоне. Он отдал приказ:

— Поторпливайся, в районе Цзиньчжун пробки.

Утром у Тань Юмина почти не было аппетита. Он проглотил половинку вонтона и отодвинул миску:

— Больше не хочу. Доедай ты.

С самого детства Гуань Кэчжи запрещала оставлять недоеденное в тарелках. Тётушка Тан видела, как они росли, и Тань Юмин боялся, что по возвращении она проболтается об этом старшим.

Шэнь Цзуннянь с детства привык доедать за Тань Юмином. Даже не подняв головы, он взял его миску, переложил остатки лапши к себе и в два счёта с ними расправился. Затем подхватил куртку и решительно бросил:

— Пошли.

Собрание проходило в конференц-зале залива Финли, в часе езды. Изначально это здание было церковью, где проповедовал британский священник. Викторианские колонны, остроконечная крыша... Просторный зал с расположенными амфитеатром сиденьями мог вместить более двухсот человек.

На подобных мероприятиях даже Тань Юмин вёл себя скромно и не брал с собой ни помощников, ни секретарей. Однако таблички с их именами стояли в самом центре первого ряда.

«Хуаньту» семьи Шэнь, «Минлун» семьи Чжао и «Пинхай» семьи Тань располагались по порядку.

Когда Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин вошли в зал, Чжао Шэнгэ был уже там. Они автоматически заняли места по обе стороны от него.

Наследный принц редко показывался на публике, но сегодняшнее заседание было не из рядовых.

От Чжао Шэнгэ и Шэнь Цзунняня так и веяло холодом, поэтому, пока они негромко переговаривались, никто не решался подойти и побеспокоить их. Зато к Тань Юмину то и дело подходили поболтать.

Собрание официально началось после прибытия чиновников. Глава Департамента по вопросам конкуренции выступил с речью об усилении антимонопольной политики и продвижении честной конкуренции в районе Залива. Цель заключалась в реструктуризации рынка. Ведущие предприятия должны были сыграть роль локомотива — направлять, помогать и поддерживать малый и средний бизнес. Это было необходимо для повышения экономической активности региона и сдерживания растущего спада во внешней торговле, недвижимости и финансовом секторе.

Следом председатель Трибунала по конкуренции зачитал предупреждения — «жёлтые карточки» — девяти крупным компаниям, требуя от них устранить нарушения. Он также заявил, что следующим приоритетом станет строгий правовой контроль за слияниями и поглощениями платформ, и выразил надежду, что все крупные участники рынка отнесутся к этому серьёзно.

Эффект от показательных дел был мгновенным. Атмосфера в зале быстро стала напряжённой. Лица людей, часто мелькавшие на обложках финансовых журналов, приобрели серьёзное и осторожное выражение.

И лишь три молодых лица в самом центре оставались абсолютно невозмутимыми.

Во время двадцатиминутного перерыва организаторы предложили гостям кофе-брейк.

Шэнь Цзуннянь встал. Тань Юмин, который как раз с кем-то разговаривал, обернулся и сказал:

— Шэнь Цзуннянь, я тоже иду.

Между ними сидел Чжао Шэнгэ. Наследный принц, чьи мысли блуждали где-то в открытом космосе, даже не шелохнулся.

— Чжао Шэнгэ? — Тань Юмин напомнил ему, чтобы тот уступил дорогу.

Только тогда Чжао Шэнгэ повернул голову, посмотрел на него, приподнял бровь и вежливо поинтересовался:

— Вы даже в туалет ходите вместе?

— Ага, — нарочито дурашливо ответил Тань Юмин. — Мы обычно за ручку туда ходим.

Лицо Шэнь Цзунняня потемнело, и он холодно бросил:

— Пошли.

Тань Юмин шагнул к нему и пошёл рядом, допытываясь:

— О чём это вы только что шептались с Чжао Шэнгэ?

В школьные годы, когда Чжао Шэнгэ занимался робототехникой и авиамоделированием, он часто звал с собой только Шэнь Цзунняня. Наследный принц считал, что у Тань Юмина и Чжо Чжисюаня энтузиазма хватает ровно на три минуты, и они не способны усидеть на месте.

— Ни о чём.

Тань Юмин хотел порасспрашивать ещё, но, увы, этот «светский мотылёк» был слишком популярен. По пути с ним постоянно кто-то здоровался. Пройдя всего пару шагов, он снова застрял в разговоре, так что Шэнь Цзуннянь ушёл один.

В зале осталось мало людей.

Чжао Шэнгэ сидел нога на ногу и со скучающим видом смотрел на вибрирующий на столе телефон. Один звонок, второй. Только дождавшись, пока телефон ненадолго умолкнет, он взял

его и отправил ответное сообщение.

Увидев, что Шэнь Цзуннянь вернулся один, Чжао Шэнгэ дружелюбно поинтересовался:

— Вы же вроде за ручку собирались?

Шэнь Цзуннянь поднял веки, мельком взглянул на стикер с каким-то непонятным котом, появившийся в чате Чжао Шэнгэ, и холодно произнёс:

— Чжао Шэнгэ.

— Какая безвкусица.

«...»

Собрание продлилось до начала первого. Даже у служебного выхода, ведущего по внутреннему коридору, уже собралась толпа репортёров.

Вскоре тяжёлые резные двери одна за другой распахнулись. Из них вышли трое высоких и статных мужчин с длинными ногами и выдающейся аурой. На их фоне померкли даже цветные витражи церкви.

Они о чём-то переговаривались. Чжао Шэнгэ, как всегда, шёл посередине, а Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин — по бокам. Они шагали уверенно и расслабленно, словно несли с собой ветер. Сквозняк, гуляющий по залу, слегка приподнял полу чьего-то пиджака.

Следуя негласной традиции, никто из репортёров не стал фотографировать наследного принца. Толпа автоматически расступилась, образовав проход ровно для одного человека, и провожала Чжао Шэнгэ взглядом, пока тот не покинул территорию.

Чжао Шэнгэ, с недоумением глядя в телефон, дважды обошёл площадь Столетия. И только в самом углу, под раскидистым деревом за римской колонной, он обнаружил длинный чёрный седан, корпус которого был почти полностью скрыт от глаз.

«...»

Вообще-то он планировал, что его заберут под вспышками тысяч фотокамер, но реальность оказалась жестокой. В этом углу было так тихо и безлюдно, что на дереве не наблюдалось даже птиц.

Чжао Шэнгэ ещё никогда не проходил пешком такое расстояние после совещаний. Он помолчал несколько секунд, медленно подошёл и с невозмутимым видом открыл дверцу машины. На заднем сиденье обнаружился букет из пионов и гортензий, а за ним — красивое улыбающееся лицо:

— Чжао Шэнгэ.

Чжао Шэнгэ смерил его высокомерным взглядом. Чэнь Вань добродушно улыбнулся, протянул руку и сказал:

— Ты, должно быть, устал на заседании.

Чжао Шэнгэ всё ещё был не в духе, но, посмотрев на эти изогнутые в улыбке глаза и красивый букет, всё же вложил свою руку в его ладонь.

Чэнь Вань хотел показать ему тщательно выбранную, искусно выгравированную фигурку лосося. Но Чжао Шэнгэ всё никак не отпускал его руку, сжимая её слишком крепко, поэтому Чэнь Ваню пришлось отказаться от этой затеи.

Как только Чжао Шэнгэ ушёл, репортёры с камерами и микрофонами наготове, словно спущенные с цепи, бросились вперёд и мгновенно окружили Шэнь Цзунняня и Тань Юмина.

— Господин Тань, скажите, как, по вашему мнению, повлияет на такое ведущее предприятие, как «Пинхай», сегодняшней сигнал главы Департамента Хуан Яоши о перераспределении ресурсов в пользу малого и среднего бизнеса?

— Господин Шэнь, на заседании было объявлено о строгом правовом контроле за слияниями и поглощениями платформ. В то же время в прошлом квартале частичное слияние активов «Хуаньту» и «Пинхай» впервые позволило вам превзойти долю рынка «Минлун». Значит ли это, что эпоха троевластия в Хайши подходит к концу?

— Господин Шэнь, как вы расцениваете примеры с «жёлтыми карточками», приведённые судьёй Трибунала по конкуренции? Как вы прокомментируете слухи о том, что «Хуаньту» тоже может быть замешана в подобных нарушениях?

В отличие от отношения к такому «праведному» баловню судьбы и «законному» наследнику, как Чжао Шэнгэ, репутация Шэнь Цзунняня в СМИ Хайши всегда оставляла желать лучшего.

В восемнадцать лет он благодаря железной хватке пришёл к власти, шагая по костям своих ближайших родственников.

В двадцать два года он полностью завершил процесс переноса центра власти в «Хуаньту», безжалостно выкорчевав всю гниль старой коррумпированной системы.

В двадцать четыре года он взял под абсолютный контроль все жизненные артерии семьи. Он исключил собственных родителей из списка бенефициаров семейного траста, подстроил всё так, чтобы его двоюродный брат влез в огромные карточные долги, и вынудил несколько семей дядюшек распродать имущество, покинуть Хайши и бежать за границу. Им было запрещено возвращаться на родину в течение долгих лет.

Каждый его шаг был подобен грому среди ясного неба. В высшем обществе Хайши, где главным правилом было «дружелюбие приносит богатство», за Шэнь Цзуннянем прочно закрепилась дурная слава. На него навесили бесчисленное множество ярлыков: от

братоубийцы до человека, забывшего свои корни.

Старейшины уважаемых семей, дружившие с дядюшками Шэнь, даже завуалированно намекали, что нынешняя молодёжь действует слишком радикально и жестоко. Кто в будущем осмелится сотрудничать с человеком, полным волчьих амбиций и готовым на столь хладнокровное предательство?

Самого Шэнь Цзунняня это совершенно не волновало. Он посмотрел на толпу сверху вниз и бросил скупую фразу:

— Мне не нужно ничего комментировать. Если у «Хуаньту» возникнут проблемы, надзорное управление само даст ответ общественности.

На улице повисла минутная тишина, но затем репортёры продолжили атаку:

— Планирует ли «Хуаньту» в этом году расширяться в сфере недвижимости? Правдивы ли слухи о том, что «Хуаньту» может избежать антимонопольного контроля, так как является крупным налогоплательщиком?

Шэнь Цзуннянь смерил агрессивного журналиста взглядом и холодно, язвительно ответил:

— Намерений расширяться в недвижимости нет. Но есть планы выйти на медиарынок и скупить парочку газет.

«...»

Эти слова многих задели за живое:

— В таком случае, позвольте спросить, является ли серия проектов U5, запущенных «Хуаньту» и «Пинхай» в первой половине года для завоевания низового рынка, примером хаотичного расширения капитала?

— Не навредило ли это на самом деле интересам малого и среднего бизнеса? Не лишило ли это их пространства для выживания?

Микрофоны придвинулись ещё ближе. Шэнь Цзуннянь спокойно смотрел на журналиста, но у того тревожно ёкнуло сердце. В следующую секунду в объективах камер внезапно появилось яркое, сияющее лицо.

— Ведущие предприятия и малый бизнес никогда не находились в противостоянии. Для создания честной конкурентной среды необходимо активное участие всех субъектов рынка, — неизвестно когда Тань Юмин успел заслонить собой Шэнь Цзунняня. Он небрежным жестом отодвинул микрофон, который почти упирался ему в лицо.

Он изогнул губы в улыбке, глядя прямо в камеры. Журналисты на секунду растерялись от этой ослепительной красоты, однако улыбка не коснулась его глаз. Тань Юмин продолжил уже серьёзным тоном:

— «Хуаньту» и «Пинхай» — не только лидеры отрасли, но и твёрдые защитники рыночного порядка. Проект U5 укрепил наш обмен кадрами, технологиями и капиталом с малым и средним бизнесом. Он стимулировал объединение ресурсов вверх и вниз по цепочке поставок, влил в рынок новую кровь. Это новые возможности как для крупных, так и для малых предприятий.

Тань Юмин был всегда даем обложек крупных медиа Хайши. Будь то серьёзные финансовые отчёты или высосанные из пальца скандальные сплетни, он давно к этому привык. Но он терпеть не мог, когда кто-то фотографировал Шэнь Цзунняня. И уж тем более он не мог мириться с тем, что люди, не знающие правды, обсуждают Шэнь Цзунняня в газетах, распинаят его и искажают факты с помощью предвзятой журналистики.

СМИ Хайши всегда славились своей любовью к дешёвым сенсациям и полным отсутствием моральных принципов. В те годы, когда Шэнь Цзуннянь действовал наиболее жёстко, а общественное мнение бурлило от кровавых слухов и жесточайшей критики, Тань Юмин выкупил бесчисленное множество заказных статей, направленных против него. Он даже целиком приобрёл одну газету, которая буквально питалась чужой кровью — они в сговоре с дядюшками семьи Шэнь подвергли сомнению завещание покойного дедушки Шэня, чтобы привлечь внимание. С тех пор никто из журналистов той команды больше не появлялся в списках главных СМИ Хайши.

Тань Юмин не то чтобы не сочувствовал простым работягам — всем нужно на что-то жить, он это прекрасно понимал. Он даже был готов пожертвовать собственной репутацией и свободой, устраивая скандалы со своими вымышленными интрижками, лишь бы заполнить этим полосы авторитетного журнала и отвлечь их от копания в прошлом Шэнь Цзунняня. Но он абсолютно не терпел беспардонной клеветы.

С тех пор среди СМИ Хайши появилось ещё одно негласное правило: сочинять небылицы про любовные похождения господина Таня — это не страшно. Но если осмелишься написать хоть одно лишнее слово о господине Шэне — это верная смерть.

(Примечание автора: Чжао Шэнгэ — корпорация «Минлун» Шэнь Цзуннянь — корпорация «Хуаньту» Тань Юмин — корпорация «Пинхай». Вот так. И да, гора Сяотань (□□□), а не Сяотань (□□□) (завтра тоже будет прода).

<http://bllate.org/book/17117/1599335>